

АСЯ МИХЕЕВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭК

Ася Михеева
Социальный эксперимент

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324304
ISBN 9785447470715*

Аннотация

Перед Вами – исследование максвелловского типа. Что будет, если из механизма наследования удалить генетический фактор? И кто такие наши родственники? Что они делают с нами?

Содержание

Skype log-1	5
Skype log-2	6
Приложение	7
Гладиатор. Год Корабля 286	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Социальный эксперимент

Ася Михеева

© Ася Михеева, 2016

© Сергей Христенко, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Skype log-1

Кант (22:57:02 6/11/2021)

Вот что. Скажи, ты насколько в курсе теории Гейла?

Shean (22:58:10 6/11/2021)

Да ни на сколько. Ну, что на портале «Знание-Сила» висело, две статьи или три, не помню. Помню, что подпространством это запрещают называть, а «противоконтинуум» звучит ужасно))) А что?

Кант (22:58:33 6/11/2021)

В общем, там смысл, как я, гуманитарий, понимаю, в том, что чем туда глубже ныряешь, тем гравитация меньше, и в какой-то момент выворачивается вовсе наизнанку. Как на качелях.

Shean (22:58:41 6/11/2021)

Да, точно. И еще там со временем происходят какие-то постэйнштейновские штуки, помню.

Кант (22:58:47 6/11/2021)

Во. Так вот, беспилотно погружать мы уже умеем, а поднимать – нет. А пилотируемых запусков, вообще-то, уже официально было четыре, про неофициальные я не говорю. И вот собственно, на четвертом как раз получилась такая штука – там предполагался повторный выход на орбиту Плутона, поворот и возвращение, а они в начале вошли гораздо глубже, чем нужно было по расчетам – ну, в общем, отгормозили кое-как только в полутора световых месяцах. Ну и их ждут, ждут – по расчетам, они должны были вернуться через полторы минуты – а их нет. Вторая минута – нет. На третьем часу, когда уже фактически был объявлен траур, они хрясь – и выныривают.

Shean (23:01:26 6/11/2021)

О!

Кант (23:07:22 6/11/2021)

Огромное везение, что экипаж был разнополюй. Вошли три пары, а вышло пять человек их детей. И двоих стариков вынесли на ручках. Ну и внуков трое. Первое поколение просто не дожило.

Shean (23:10:19 6/11/2021) За два часа?

Кант (23:22:14 6/11/2021)

Да. На этой технологии десяток наиболее землеподобных планет можно обойти лет за шесть.

Shean (23:22:32 6/11/2021)

Шесть для нас. А для них? Я не вижу здесь никаких возможностей

Кант (23:22:56 6/11/2021)

Видишь-видишь

Shean (23:23:26 6/11/2021)

Не вижу. Анабиоз на таких сроках немыслим, а корабль поколений необратимо теряет культуру при соотношении меньше, чем 500 человек на год.

Кант (23:24:46 6/11/2021)

Как насчет полмиллиона?

Shean (23:24:56 6/11/2021)

Чо? Ну, если международный проект, ну... может быть. А...

Skype log-2

Кант (02:15:02 7/11/2021) А, понял! Нет. Абсолютно никаких связей до появления ребенка нет. Ну, то есть, могут быть случайные, но никакого значения не имеют.

Shean (02:15:26 7/11/2021)

Так. И с момента рождения, то есть получения ими, ребенка они считаются родственники? А как это родство называется?

Кант (02:15:48 7/11/2021)

Я же ДВА файла¹ прислал! Ты, что, только первый открыла?

Shean (02:16:45 7/11/2021)

0_0!!!

Кант (02:16:59 7/11/2021)

Ага. Если ты это называешь атомарностью, то я испанский летчик. И это только первый и второй уровень. Свойственников, то есть родни третьего уровня, там получается 36 человек на нос.

Shean (02:17:32 7/11/2021)

Хм, подумать надо. Но, в общем, да. Структурированность годная такая получается. К тому же, если я хоть что-то понимаю, «скумовать» можно кого хочешь с кем хочешь, лишь бы возраст подходил?

Кант (02:17:57 7/11/2021)

Ага. А кто, по-твоему, этим будет заниматься?

Shean (02:18:05 7/11/2021)

Ну, должна быть какая-то внешняя группа. В нормальном эксперименте, ну то есть, на Земле, понятно, а здесь какая-то каста должна быть, причем с другой системой наследования вообще.

Кант (02:18:38 7/11/2021)

Эмбриологи. Они все равно с изнанки системы сидят – им и карты в руки, иначе все равно сами захапают.

Shean (02:18:45 7/11/2021)

Вообще в качестве шутки довольно любопытно. Я с этим поиграю.

Кант (02:18:58 7/11/2021)

Почему в качестве шутки?

Shean (02:20:07 7/11/2021)

Потому что, вообще-то всякий адекватный человек, а ученый в особенности, при предложении поэкспериментировать над людьми обязан хвататься за ружьё.

Кант (02:20:36 7/11/2021)

С одним маленьким исключением. В духе Луи Пастера. Посмотри хистори – я тебе что предлагал?

Shean (02:20:51 7/11/2021)

...поучаствовать?... Ты, отец, с глузду съихал, у меня внучке в школу в этом году...

Кант (02:21:26 7/11/2021)

А нам, как видишь – все возраста нужны. И желательно, чтобы хоть часть популяции понимала, что их ждет.

Shean (02:21:55 7/11/2021)

Погоди, так мы не гипотетически разговариваем, что ли?.

¹ Должны были сохраниться как Приложение. Видишь, нет?

Приложение

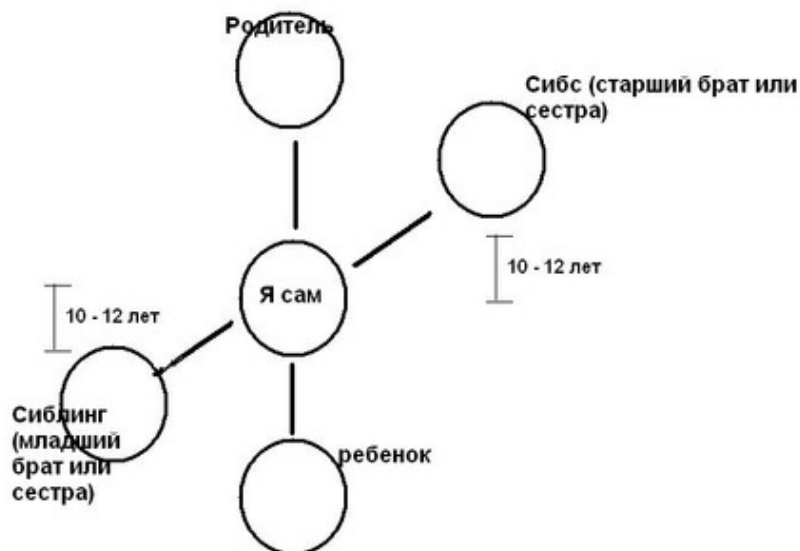
Близкие родственники

Родитель – взрослый, несущий полную ответственность за твое благополучие до совершеннолетия.

Сын (дочь) – ребенок, за чье благополучие до его (ее) совершеннолетия ты несешь полную ответственность.

Сибс – старший брат или сестра, которые несут за твое благополучие до твоего совершеннолетия половинную ответственность.

Сиблинг – младший брат или сестра, за чье благополучие до его (ее) совершеннолетия ты несешь половинную ответственность.

Родственники 1 и 2 уровня

Родственники 2 уровня – лица, не несущие ответственности за несовершеннолетнего, но имеющие преимущественное право на принятие таковой ответственности в случае, если ее не могут нести родственники 1 уровня.

Гладиатор. Год Корабля 286

Денег не хватало. Категорически

Она села на кровати по-турецки и еще раз пересчитала свои сбережения. Конечно, больше, чем год назад, но мало, мало... К тому сроку, как ей придет новая повестка, повзрослеет еще куча народу.

– Не затягивай – предупреждала ее сибса. – тебе надо хорошенько напрячься, если не хочешь остаться бобылкой. Может, все же пойдешь в оранжерею?

Ну уж нет. В оранжерею, где пот течет ручьями и разъедает лицо и одежду, где дышишь, как второго себя несешь, где состаришься за пятнадцать лет – хреначки. Сестра работает там последние восемь лет, и племянка учится в настоящей школе, не чета там всякой шпане, но Ирина не чувствовала себя готовой к такой жертве.

И вообще пора на тренировку.

Эмануэль, лупившая грушу, приветственно хакнула, остальные промолчали. Слух о том, что Ирина подписалась на участие в уличном чемпионате, пришел быстро. А завидуют или жалеют – по отведенным глазам не понять. Ирина насыпала мелочи в таймер, включила ударный тренажер и вошла в зону действия.

Что-то он сегодня быстро остановился... Жулят нас хозяева... Ирина с подозрением оглядела таймер.

– Что, устать не успела?

– Я на два часа насыпала.

– Два и прошло.

Эмануэль вытерла шею сероватым полотенцем и с отвращением на него посмотрела:

– Третий день забываю домой забрать.

– Мое возьми.

– Так ты че, даже не вспотела? – Эмануэль провела ладонью по Ирининой спине, – Да, тебе этот тренажер уже слабоват. Ходи-ка ты на битку к Карлсову.

– Карлсовский зал мне не по деньгам.

– А переломы лечить тебе по деньгам будет? Так тренироваться, тебя ж порвут. Ты хоть слышала, что Серафима с Четверки возвращается?

Ирина подумала, что сиблик живет с матерью в Четверке, и позавидовала неведомой Серафиме – у нее-то денег хватает на межлокальные переезды.

– Если мне жрать не на что будет, я вернее продуюсь.

– В долг возьми до матча.

Ирина только дернула углом рта.

– Ну и дура, – заключила Эмануэль, – костями рискуешь, а деньгами не хочешь. Уж ты реши, идешь ты на это дело или нет, как следует. И отрабатывай дальние удары. С Симкой-Гриндлой в ближнем бою тебе не светит. Основич уже тяжел, Петкуню ты сделаешь, – она помолчала и нехотя добавила, – может быть. Рауль... Ну, тут как пойдет... А Серафиму – нет. Я ее видела в прошлом году. Форму держит.

Ирине показалось слово Гриндла смутно знакомым. Что-то... У них еще ящик тогда работал... Неужто она такая старая?

– Гриндла, это которая двоих убила за матч?

– А, это еще лет десять назад, – кивнула Эмануэль, – нас тогда хотели закрыть эти психи политические, но крыша разобралась. Я тогда только начинала тренироваться, помню, нам

еще плату за зал чуть ли не вдвое повысили. Гриндле бабки, бабки с нас, публика в экстазе, а Малорец себе как раз тогда пол-этажа откупил. Все одно к одному...

В цирковом зале было тихо, только в углу гудел батут – сибла Эльзы, тринадцатилетняя Шу отрабатывала прыжки с переворотом. Ирина прошла под трибуной, поставленной на угол и постучала во временную комнатку, где между представлениями жили циркачи.

– Кто еще? – раздался раздраженный женский голос.

– Ирина.

Открыл незнакомый парень и встал в двери, почесывая густую подмышку. Одежды на нем были только обтягивающие трусы. Ирина скосила глаза вниз и невольно сказала:

– Ой... Извини... Я не вовремя?

Парень засмеялся. К смеху присоединились два женских голоса. Один из них, похоже, Эльзин, крикнул:

– Заходи!

Ирина зашла.

Эльза лежала в гамаке. Гипс, кокетливо обвязанный ленточкой с бантом, был подвешен к потолочной скобе.

– Как дела? – весело спросила Ирина.

Эльза махнула книжкой.

– Нет возможности тренировать тело – тренируй ум. Никогда не думала, что голова может так уставать. Ты садись, садись.

Возле гамака лежала стопка других книг. На верхней было написано «Герман Мелвилл».

Парень прошел мимо Ирины, покручивая трусы на пальце, и упал куда-то за груды сложенных трапедий.

Оттуда донеслось подавленное женское «ах».

Ирина с неловкостью поерзала на стульчике. Эльза только рукой махнула.

– Это Тонечка и Танечка. Тони, Ринка же не цирковая, раздеться мог и в постели.

– Приятно познакомиться, Риночка, – донесся женский голос.

– О-очень приятно... – с придыханием добавил невидимый Тони.

– Мы же всегда так живем, без постоянных жилых мест, как у вас. И так за помещение сколько отдавать приходится. Если не шутковать, озверели бы давно.

Эльза сложила руки на животе и внимательно посмотрела на Ирину.

Та встряхнулась и вытащила из кармана тетрадку.

– Так что я поприкидывала, что я могу... могла бы делать... Ты посмотри.

Эльза внимательно просмотрела Ириныны схемы.

– Так... носить всю трупку на блюде... Может и пройдет, хотя старше Корабля, конечно... Ходьба по стенам. Недурно. Адекватность посмотрим, как мне костыли принесут... Борьба? Выкинь из головы. Этим, во-первых, занимается всяк, кому не лень, а во-вторых...

– Во-вторых и в последних, это не наш стиль, – отозвался из-за трапедий Тони

– Точно, – не поведя бровью продолжила Эльза, – поэтому бороться мы не будем.

А акробатике подучим. Условия прежние.

– А то пойдем в зал, я погляжу? – предложил Тони.

– Немножко попозже, – добавил женский голос.

– Попозже... Да. Ходить по стенам? Как во внешних модулях? Очень мило. А трудно?

– Труднее всего изображать, что тянет к стене. Ходить-то кто угодно может – были бы башмаки магнитные, – оживилась Ирина.

– Завтра, – твердо сказала Эльза, – завтра, после выступления, часов в пятнадцать подходи. Не опаздывай – в шестнадцать тридцать уже уберут реквизит. Меня Тони вынесет и посмотрим.

Ирина подумала и осторожно спросила:

– Долго тебе еще в гипсе?

– Восемнадцать дней. Шесть выступлений без меня, ничего, Шу выпустим.

– Ну, может, тогда...

– Нет, Рина, – твердо сказала Эльза, – месяц общих тренировок – минимум. Начать можно хоть завтра. Но раньше, чем через месяц, на помост ты не выйдешь, будь ты хоть гуттаперчевый мальчик.

– Кто?

– А! – смутилась Эльза, – это... из книжки. Шу я знаю, представляю, что она может, а что ей не дается. Ты же – явление непроверенное. А помост – это помост. Конфуз нас разорит.

Они поболтали ни о чем еще минут пятнадцать, потом Тони выбрался из-за трапещей и поставил чайник.

Танечка оказалась славной девушкой из ближайшего магазина – Ирина сто раз покупала у нее пирожки, но никогда не обращала внимания на то, как Таня мило смеется. Но, как ни хотелось Ирине задержаться, ей уже пора было на смену.

Мариныч выставил мешки в коридор, Толик и Буза переминались в ожидании. Ирина присела и взяла мешок на плечи.

– Куда сегодня?

– В оранжерею. Четвертый сектор, там свои грузали встретят.

За спиной охнул Толик.

– Много? – спокойно спросила Ирина.

– Восемьдесят. Ну и оплата двойная, что ж мы, звери, что ли? – ворчливо ответил Мариныч.

Восемьдесят мешков, да двенадцать этажей до внешнего уровня – завтра она вряд ли покажет Эльзе что-нибудь осмысленное. Хотя если хорошо поест на ужин, за ночь можно и отойти. С двойной оплаты еще и заначить что-нибудь останется. После тренировки, пожалуй, так и вообще порядок. Ирина повеселела, передернула плечами под угловатыми нагромождениями прессованных удобрений и пошла к лестнице.

– И когда уже мусоропровод починят? – мрачно бубнил Буза.

– Когда починят, нас уволят, – не менее мрачно отвечал ему Толик, – так что нехрен жаловаться.

Однако, ужин пришлось отложить. Возле Ириного блока переминался какой-то парниша из малорецовских. Пришлось опять переться по лестнице вверх. Офис турнира был на приличненьком седьмом уровне.

Малый, идущий по пятам, ужасно раздражал. Пакет с бубликами и йогуртом шлепался о колени. И очень хотелось есть. Ирина подумала и вытащила один бублик из пакета. Плевать, что всухомятку.

Возле дверей в офис она быстро дожевала кусок второго бублика, засунула недоеденную половинку в пакет. Малый сопел за спиной, она смахнула крошки с губ и мрачно вошла внутрь. Щас ей объяснят, что она для турнира не годится, и попросят вернуть аванс. А где, спрашивается, уже тот аванс? Вот он, два с половиной бублика, да еще мелочи в карманах на два раза по столько же.

В офисе, в креслах, сидели сам Малорец и какая-то удивительно красивая женщина. Нет, – поправилась Ирина, – не столько красивая, сколько яркая. Да даже совсем, наверное, некрасивая. Но... да, потрясающая женщина.

После некоторого молчания женщина решительно сказала:

– Нет! Ни в коем случае!

Малорец потер ладонью толстую щеку.

– Точно?

– Абсолютно, – сказала женщина.

Ирина тихо отодвигалась спиной вперед к двери, прикидывая, сколько ж времени ей дадут на возврат аванса.

– Идите сюда, девушка, – непререкаемым тоном заявила яркая женщина, – посмотрите, что он вам собрался предложить!

Ирина взяла у нее из рук глянцевый плакат и сумрачно в него посмотрела. На плакате красовалась девица в алюминиевых доспехах и таких же рукавицах.

– Я это не одену. В этом невозможно работать.

– Она же работала, – недовольно возразил Малорец.

– И что, побеждала?

– Какая разница? Народу на нее все равно сбежалась уйма.

Женщина отобрала у Ирины плакат и обошла ее со всех сторон.

– Будем говорить о возможном. Вы согласитесь надеть точно такой же, как сейчас на вас, но серебристый комбинезон?

– Да, – спокойно сказала Ирина – это удобно. Только разве что марко будет.

– Покраситься в платиновую блондинку?...

– Нет, – ответила Ирина, но женщина перебила ее, – да, да, вижу, не годится. Мы вас немного подтемним и все. Замечательно! – она обернулась к Малорцу, – косметика, форма, рекламная кампания – все делаем в стиле «рифеншталь-восемьдесят». Сила и правота. Нордический тип.

Она прошла мимо ошарашенной таким напором Ирины и уселась за стол. Поцелкав немного в компьютере, она распечатала несколько страниц и протянула их Ирине.

– Так?

На Ирину смотрело ее собственное лицо. Ее собственная прическа. Ирина в белом комбинезоне поднимала факел, за ней шли двое мужчин. На другой картинке Ирина и мужчина, стоящие в профиль, вытянули руки вперед. В его руке был молоток, в ее – что-то похожее на половинку секатора, что видела Ирина у сестры в оранжерее.

На третьей Ирина в прыжке рвала трехцветную ленту. Тут, правда, на ней был синий комбинезон.

– Ох, – только и сказала Ирина, – и вы это... прямо так и нарисовали?

Женщина прыснула.

– Ох, ну, народ... Это искусство Советского Союза, плакаты к Олимпиаде-восемьдесят. Но, я вижу, вам нравится.

Ирина кивнула и протянула листы Малорцу.

– Простенько как-то, – недовольно протянул тот.

Женщина повернулась к нему вместе с креслом.

– Вы нанимаете дорогостоящего дизайнера, а потом учите его работать? Этот стиль и должен быть предельно простеньким. В этом-то и есть самый цимес, дорогой Юджин Славянович. Как можно проще.

– Нуу, – проворчал Малорец, но продолжать не стал.

– Как вас зовут? – обратилась женщина к Ирине.

– Валитнова Ирина Сергеевна.

– М-ммм... Вольта была, кажется...

– Да, ее Гриндла порвала еще двенадцать лет назад, где-то так...

– И опять Гриндла... – усмехнулась женщина и испытующе посмотрела на Ирину, – не боитесь?

Ирина дернула углом рта.

– Когда много работаешь, бояться некогда.

– Биовольта.

Женщина с удовлетворенным видом откинулась в кресле, рассматривая Ирину, как неведому зверушку.

– Это что такое? – удивился Малорец.

– Это значит, живая, настоящая – но при этом электрически заряженная.

Малорец успокоился, но Ирина – нет. В объяснении женщины-дизайнера ей почудился какой-то подвох. Спросить у Эльзы? Да. Хотя, в общем, это всего лишь реклама.

– Скажите, пожалуйста, как относятся ваши родственники к вашему участию в боях? – вдруг заинтересовалась женщина-дизайнер.

– Я сирота, – мрачно ответила Ирина.

– Причины? – она подняла бровь.

– Алкоголизм.

– Сибс?

– Работает в оранжерее, поднимает ребенка, ей не до меня.

– Кум?

– Она с сибликом в другой зоне.

– Биовольта, – утвердительно повторила женщина, – самое оно. Красный платок на шею – носить постоянно до самого турнира и во время, ну, кроме боев, возможно. Волосы покрасим прямо сейчас. Я скажу девочкам, пусть снимают мерки. Фотограф придет через полтора часа, вы еще успеете поужинать со мной после парикмахера.

Она повернулась к Малорцу.

– Я вам обещаю, что за нее будут болеть минимум четыре уровня в полном составе. Весьма фактурная девушка.

Ирина пошла вслед за женщиной, с удовольствием думая о том, что бублики, похоже, остаются на завтрак.

Ночью ей приснился отец, молодой, еще не лысый, как в конце, веселый и толстый. Он жарил яичницу из настоящих яиц, с круглыми желтыми глазками, посыпая вокруг укропом. Потом он гулял с ней по внешнему периметру, между деревьев, и валялся на траве, и бросал ее к высокому потолку. Она визжала, переворачиваясь, он ловил ее большими волосатыми руками и густо смеялся.

Проснувшись, она долго сидела неподвижно на кровати. Потом автоматически вскипятила чайник, постояла перед зеркалом над умывальником, но ни умываться, ни пить чай не стала.

Через полчаса она уже стучалась в цирковой зал.

– Тони?

– Кто ходит в гости по утрам? Да лишь проклятый трам-пам-пам! – раздался заспанный голос Тони. Тут он вылез и сам.

– Ринка? Привет! Почему ничего не принесла к чаю?

– А... растерялась она, – шас... Сейчас сбегая.

– Погоди. Трусы надену и пойдем вместе. Расскажешь, что у тебя стряслось. Ты девушка деликатная, просто так бы не прискакала в такое неприличное время.

Ирина сбивчиво пересказывала Тони свой сон, пока они покупали в складчину бублики и халву. Тони хмыкал и балагурил, но на полдороге назад вдруг остановился и неуклюже взмахнул руками.

Ирина смотрела на него. Тони задумчиво подошел к стене и поскреб ее ногтями.

– Донна порка санта вагина алина-марина, – невнятно сказал он, – а интересно...

Ирина попробовала объяснить сначала, но акробат махнул на нее рукой. Ирина приоткрыла рот и удивилась.

Тони поднял брови и внимательно смотрел на кончик носа.

– Стоп! Молчи! – он поднял руку, а вслед за ней и взгляд. Глаза его сияли.

– Я понял! Ринка, ты гений. Пружина, объем, удары – человек, заполняющий ВСЕ пространство – это роскошно. Двое – это танец. Свобода. Попробуем?

– Пружина, – уточнила Ирина.

Тони махнул рукой.

– С батутков снимем. Бегом, бегом!

– Чем дальше она зайдет в этом турнире, тем хуже для нас, – прокомментировала Эльза. Тони отмахнулся.

– Ай, старушка, нельзя же быть настолько эгоистичными!

– Как знаете, – спокойно ответила Эльза.

– И обувь подберем, – он заметно загорелся, даже эльзино неодобрение стекло с него как с гуся вода. Ирина даже подумала было послушать Эльзу и не лезть в эту авантюру, но Тони остановить было нереально.

– Что-то надо придумать, чтобы не проскальзывать, магнитные ботинки?... Нет, калоши, калоши, как у Внешников, такие, знаешь, резиновые...

– Ко мне тут приходил один мальчик, Тони, ты его видел, рекламу нашу делает, – сообщила Эльза, беря с пола книгу, – Женька. Так он говорил, что на Биовольту ставят больше, чем на всех остальных, кроме Гриндлы. Это притом, что ее почти никто в бою не видел. Ринка, это серьезно. Помяни мое слово.

Она уткнулась в книгу. Ирина немного помолчала, ожидая продолжения, но вскоре встала и вышла в зал. Тони уже гремел там железом и гонял Шу складывать батут.

Вечером, после тренировки, она сидела в кафе и с удовольствием жевала поджаренные соевые колбаски, запивая томатным соком. Плечи приятно болели. Карлсовская битка действительно была помощнее, к тому же удалось поработать в спарринге с интересным новичком. Усатый, худой, он пару раз хорошо вмазал ей, но и сам потерпел. С татами они сходили, дружно покряхтывая и улыбаясь друг другу.

Кафе находилось возле большого служебного узла, поэтому здесь никто сроду не засиживался. В постоянном гуле посетители быстро ели и убегали прочь. Взамен прибегали новые, тем более, что кафе стояло на перекрестке периметра и основного диаметра, толкотня за стеклянными стенами не прекращалась даже ночью. Обслуга тут была сплошь глуховатая. Ирина не любила посиделок с поболталками, и для нее тут было даже слишком хорошо. Однажды она здесь – нет, не здесь, конечно, а за вон тем столиком, что между воздушной трубой и стеной – даже заснула. Официант разбудил ее уже ближе к утру. Ну, отец тогда еще был жив, и домой она старалась вообще не ходить.

Она уже допила сок и обдумывала вопрос о добавке, когда увидела, как между столиками протискивается Основич.

Она молча смотрела, как он плюхнулся за ее столик и заказал две двойных рыбных котлеты.

– Ешь, – он пододвинул одну тарелку к Ирине, и взял вилку.

– Привет, Основич, – сказала она, задумчиво посмотрела на котлету и тоже стала есть. От Основича все равно не избавишься.

Они сосредоточенно жевали, потом дружно подбирали подлив корочками.

Потом Основич многозначительно откашлялся.

– Спасибо, – высказалась Ирина.

– Сама такая, – ответил Основич, сбитый с мысли, – чего ты в эту кашу полезла, а?

Ирина сморщилась и поглядела в потолок. Одна из отводных труб мелко вибрировала, добавляя обертонов в глухой низкий шум.

Основич постучал вилкой о тарелку, привлекая ее внимание.

– Тебя кидают. Мужики – понятно, у них работа такая, но ты – просто мясо. Чтоб народа побольше пришло.

Он покачал плечами, почесывая грубой рубашкой спину.

– Я не хочу тебя расхолаживать, Ринка, но ты должна знать – Гриндлу обещали Записать, если она возьмет еще один матч.

– Записать?

– Да. Это уже не вопрос денег. Она и так обеспечена, особенно если возьмется охранять кого-нибудь, или тренировать. А Запись... этим не шутят.

Ирина молча смотрела на Основича.

Он неловко пожал плечами.

– Ты ведь не откажешься.

– Нет.

– Все равно лучше знать. По-моему, так. Эмануэль мне голову оторвет.

– Да я ей не скажу, – утешительно сказала Ирина, – пусть думает, что я не знаю.

– Ты... Занята сейчас? А то сходим в человеческое место... Я угощаю.

– Неплохо бы, – Ирина с сожалением покачала головой, – мне еще кое-куда надо...

– К этому, как его, танцору твоему?

– Не моему и не танцору, – раздраженно ответила Ирина, – а по делу.

– Он тебя хоть покормит?

Ирина пожала плечами.

Основич крикнул и вдруг улыбнулся.

– У нас на складе все мужики мне завидуют. Ишь, с Биовольтой знаком. Я раньше и не замечал, что ты красивая.

Турнир начался довольно обыденно. Ирина быстро заломала Петкуню, за что получила нагоняй от Малореца – насчет того, что люди платят за зрелище, а тут три секунды и аминь. Основич побил Рауля и достойно вышел от приезжего усатого мужика, едва его не одолел. Гриндла вышвырнула Болеслава за помост так, что публика едва успела расступиться. Ничего непредсказуемого не произошло, и вторую неделю Ирина за процессом почти не следила – там бились все незнакомые дядьки, а ей надо было работать.

В пятницу Гриндла сломала руку усатому мужику, потом до среды ничего интересного слышно не было. Ирину стали узнавать на улице, приходилось на работу надевать бандану и самый затрапезный черный костюм – ну, как же – Биовольта, и мешки с дерьмом таскает.

Потом она сознательно перестала следить за ходом турнира. Ее вызывали загодя, она приходила, лупила кого-то, радовалась, уходила и работала, и тренировалась, и спала.

По утрам она ходила в цирковой зал и работала с Тони. Эльза поила ее чаем, и рассказывала смешные истории из прочитанных книжек. О делах больше не заговаривали.

Плакаты с ней висели даже на десятом уровне, по крайней мере возле лестниц. Ирина с Бужой устанавливали на восьмом несколько больших холодильников, так и там на каж-

дый черно-красный плакат с насуспенной или оскалившейся Гриндлой торчало по серебряно-синему плакату с ней. Ирина тайком содрала по одному и унесла домой. И тот, где она с факелом, и тот, где выставив вперед ладонь, отодвигает что-то темное, и тот, где рвет ленту. Все же память останется, даже если до премии она и не доберется. Впереди у нее было еще три, а то и четыре схватки.

В тот день Ирине все время казалось, что она что-то упускает, и постоянно про себя махала на это рукой. Все что-то говорили, куда-то ее водили, что-то измеряли, на нее смотрела и орала какая-то толпа, и в нос ей совали камеру. Наконец, слава богу, все это кончилось. Коридор квадратного сечения, за десять метров отделено от толпы натянутой веревкой. Металл стен поблескивает, изгибаясь в местах заклепок.

Ирина облизала губу и резко выдохнула.

– Я уступаю выбор оружия Серафиме.

В ухнувшей толпе она заметила вытаращенные глаза Эмануэли, схватившегося за голову Рауля, перевела глаза на насупившуюся в ожидании подвоха Гриндлу и добавила:

– Ввод дополнительного условия.

Гриндла понимающе качнула головой и медленно улыбнулась.

– Тогда – финка.

– Финка, – равнодушно подтвердила Ирина, – Тонечка, неси...

Акробат пробился сквозь толпу с сумкой и поставил ее у Ирининых ног. Она наклонилась, открыла молнию. Два широченных пластиковых пояса с металлическими кольцами, и две системные пружины выпали на пол с громким лязгом. «Что это, так тихо»? – подумала Ирина, поднимая пояс.

– Пружины цепляем во-он там (все послушно задрали головы к потолочной скобе возле стены) и за пояс. Боевое пространство – от пола до потолка, а вбок – куда допрыгнешь. Плоскость уменьшается, объем увеличивается. Все.

– Хм...

Ирина почувствовала, что руки у нее внезапно ослабели, но Малорец, потеряв подбородок, еще раз хмыкнул, – уже одобрительно, и обратился к Гриндле:

– Оружие ты уже выбрала... Значит, на изменения согласна.

– Да, – тускло ответила та, не отрывая взгляда от поясов, – я ее все равно порву. Только большее.

– Готовьтесь.

Тони и какой-то малорецовский малый полезли цеплять пружины к скобам. Тонька уже слез, а малый все пытался на верхних скобах, крепя тугую пружину, и матерился вполголоса.

– Карабин-то застегни, идиот, – наконец не выдержал какой-то дядька в толпе, – гробанется же Серафима бестолку.

Тони подлез к малому метра на три вверх и вполголоса давал указания, что и как крепить. Толпа молча смотрела вверх.

Ирина тем временем протянула Серафиме калоши.

Гриндла посмотрела на них, на Ирину, на гладкий металл потолка и тихонько засмеялась.

– Убери. Спасибо.

Ирина почувствовала что-то странное в горле, но Гриндла уже снова выпятила челюсть и набычилась.

В какой-то пустоте Ирина чувствовала, как Тони крепит у нее на боках мягкие прокладки и пояс, как вдвоем с Основичем растягивает пружину и основательно цепляет за кольца. Пружина освободилась и дернула Ирину вверх.

Она свободно повисла над толпой. Калоши оказались на уровне лиц. Пружина на противоположной стене вздрогнула и вынесла Серафиму. Та повисла на мгновение, подергалась, осваиваясь, и ударила в стену тяжелыми берцами. Обувь скрипнула, проскальзывая, но толкнула Гриндлу вперед. Долетев до Ирининой стены, Серафима ударилась руками, согнулась и добавила ногами. Толчок подбросил ее под потолок. Еще один удар широких каблучков, переворот...

– Неплохо, – Гриндла шмыгнула носом и проверила что-то за пазухой.

– Я бы все-таки советовал одеть калоши, – вежливо сказал Тони, – ваша обувь скользит. После паузы раздался голос Малореца.

– Готовы?

– Да, – глухо ответила Гриндла.

– Готова, – отозвалась Ирина.

Малорецовские малые вытащили на видное место гонг, принесли шефу било в ларце. Малорец взял било и постучал по ладони.

Ирина и Гриндла вытащили ножи одновременно.

Сквозь толпу в это время пробивался приезжий мужчина. Его сиблинг с сыном с утра ушли на этот идиотский турнир, он-то хотя бы выспался (еще не хватало гробить отпуск), но теперь жалел, что не пришел раньше. Это зрелище – совершенно не для тринадцатилетнего паренька. В это момент толпа ахнула. Мужчина с досадой остановился и отер с лица мелкие кровавые брызги.

На что люди тратят здоровье!!! Ну, та баба, которая в черном, это просто бой-машина, но и из нее вышел бы неплохой грузчик. А эта, в блестящем? Ишь, как мячик, и все ногами. Да на Внешних Модулях ей цены б не было. Нет, эта задуряловка только для быдла. Работы нет, стоят, плятятся... надо племянника забирать отсюда, хоть у себя к делу пристроить. Это же надо, сколько за вход-то еще дерут!!!

Ирина почувствовала боль в предплечье, уже перекувыркнувшись и ударившись ногами об пол. Хорошо, что не ножевая рука. Но теперь руками вообще нельзя ударяться. Лучше уж задницей, хотя тоже чревато. Так, летит, нож в левой, так, ага, толчок, переброс, пинай! Кувырок, уход, удар. Оскаленное лицо Гриндлы вдруг оказалось так близко – йо, она кусаться успевает, толчок, чуть не выронила нож, удар спиной, все на миг поплыло, ну уж нет, толчок, удар, толчок, набрать скорость, вот она наперерез, рукой оттолкнуть, а-ааа, – больно! Во второй руке нож вдруг легко нырнул вглубь, кисть вывернуло, когда Гриндла грудью ударила в плечо, в другой руке накатила дикая боль, она ударилась плашмя, лицом о стену, завертелась на пружине и вдруг ее поймали.

Серафимы не было видно, только натянутая пружина уходила в гущу толпы. Ирину потянули вниз.

Приезжий нашел своих возле самого ограждения. Серебристая деваха стояла с залитым кровью плечом, рука висела плетью. Она была бледная, как полотно и тряслась.

– Что вы тут? – сердито спросил он младшего брата.

– Прикинь, Биовольта-то!!! Раз – и в печень!!! – возбужденно сказал сиблинг. От него разило пивом. Приезжий поморщился. Мальчонку точно придется забрать. Если б еще сын был жив! Эх... Да, работа на Модулях опасная. Но уж лучше, чем вот так – юшкой в толпу расходиться.

Племянник стоял молча, приоткрыв рот.

– Пошли отсюда, – с досадой сказал приезжий брату, – пойдем на периметр лучше сходим, мороженого парню купим.

Они вытолкались из толпы, жадно спрашивавшей их, что там Гриндла – сдохла? Сиблинг остановился со знакомым мужиком обсудить подробности, и тут приезжий круто развернулся и попер обратно к ограждению.

– Эй, девушка, – окликнул он серебристую, – Эй, де-вуш-ка!!

– Че тебе? – обернулся какой-то тип со складчатым затылком.

– Передай визитку.

– Ишь, че... – ухмыльнулся тип.

– Да де-вуш-ка!!! – мрачно рявкнул приезжий и блестящая его так услышала.

– А... да? – она взялась здоровой рукой за пробитое плечо и подошла к ограждению. Толпа взвыла, но складчатые типы отпихнули ее, почему-то не тронув приезжего (еще бы, подумал он, я таких без соли на завтрак ем).

– Держи, дорогая, – протянул он визитку, – двигаешься хорошо. Надоест тут херней этой страдать – приходи, возьму стажером.

Она протянула руку и послушно взяла. Он проследил, чтобы визитка была засунута в карман, а карман закрыт на «молнию», после чего протолкался наружу. Брат с сыном уже куда-то убрел. Теперь искать его, алкаша...

Ирина мерялась с Эльзой гипсами, потом Танечка их сфотографировала. Шу немедленно влезла в обновку и ускакала к подружкам, Эльза и Тони свои подарки тоже надели. Неизвестно откуда свалившийся мальчик Женя (он пришел-то уже не втрезве, а тут совсем разъехался) кричал тосты и хрустел чипсами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.